

Глубоки дворцовые переходы, девять рядов красных врат отделяют этот мир от мирской суеты и запирают солнечный свет.

В боковом покое дворца Чжумин густой запах лекарств, словно невидимые оковы, оседал годами на каждом дюйме воздуха, на каждом предмете, и избавиться от него было невозможно.

Се Цинъянь, закутавшись в тяжелую шубу из серебристой лисицы, обессиленно прислонился к мягкой кушетке из сандалового дерева у окна. На коленях у него лежал свиток со стихами прошлых династий, но взгляд был пуст и устремлен на несколько сухих веточек сливы, что тянулись к галерее снаружи.

Узловатые ветви дрожали на пронизывающем зимнем ветру, не подавая признаков жизни. Прошло уже больше полумесяца с тех пор, как он попал во дворец, и в этой роскошной клетке время словно потеряло всякий смысл.

Помимо нескольких слуг, которые ходили по струнке и были тихи, как тени, он никого не видел. Что уж говорить о самом Сяо Чэ — императоре, который железной рукой приказал доставить его во дворец и теперь вершил его судьбу. Се Цинъянь чувствовал себя хрупким украшением, забытым в глубине золотой клетки, — безмолвным, медленно увядающим.

Лишь скудные известия о Линь Муе, подобно мелким занозам, раз за разом вонзались в его онемевшее сердце, принося острую и нескончаемую боль.

Три дня назад под слоем засахаренных слив, тайком подложенных в его аптечку, он нашел крошечную, пропитанную потом записку с неразборчивыми строчками: Генерал Линь нарушил дворцовый этикет, император в гневе приказал дать тридцать палок и запереть его в доме. Почерк был небрежным, нажим таким сильным, что бумага почти прорвалась, выдавая спешку того, кто передал это послание.

Вчера молодой лекарь, который часто приходил проверять пульс из-за его слабого здоровья, склонившись над ним, чтобы сменить повязку на старой ране, воспользовался прикрытием своего тела и ящика с лекарствами. Он прошептал едва слышно: Старая рана генерала открылась, он не перестает харкать кровью, боюсь... Дальше его слова утонули в намеренном кашле.

В тот миг Се Цинъянь мог лишь до боли сжать широкие рукава, впиваясь ногтями в ладони, чтобы заглушить физической болью сладковатый вкус крови в горле и безмолвный крик, готовый разорвать границы разума.

Сяо Чэ резал его сердце тупым ножом.

Это осознание, словно ледяной яд, просочилось в самый костный мозг.

Этот молодой император таким способом напоминал ему, напоминал всему роду Се, что их жизни и их слабые места крепко зажаты в его кулаке.

Снаружи слышались быстрые и четкие шаги. Тяжелые кожаные сапоги стучали по твердому золотому кирпичу, отдаваясь глухим эхом, в которое вплетался холодный лязг металлических пластин доспехов. Мертвая тишина покоя была нарушена.

Следом раздался пронзительный, тонкий, словно нож по фарфору, голос евнуха, прорезавший застоявшийся воздух с пугающей силой:

— Его Величество прибыл!

Сердце Се Цинъяня ухнуло вниз, словно он провалился в ледяную прорубь.

Он только успел с помощью дрожащей служанки А Ин подняться с кушетки, даже не успев поправить помятые одежды, как тяжелые двери покоев с грохотом распахнулись.

Пронизывающий холодный ветер, принесший с собой густой запах свежей крови, ворвался в комнату, словно ледяная волна. Пламя свечей бешено заплясало, бросая беспокойные тени.

На пороге, спиной к ослепительному свету, стояла высокая, статная фигура. Черный халат с золотыми драконами слегка колыхался на ветру, а на подоле, казалось, виднелись еще не высохшие темные пятна. Это был сам император Сяо Чэ. От него исходила аура убийственной ярости, словно он только что вернулся с поля брани.

Он взмахнул рукой, и в этом жесте сквозило такое величие, что слуги, собиравшиеся склониться в поклоне, тут же замерли, словно напуганные цикады, и попятились в тени.

Взгляд императора, подобно железным клещам, мгновенно вцепился в бледного, как снег, и тонкого, словно тростинка, Се Цинъяня у кушетки.

Глаза без дна, холодные и острые, как у хищника, изучали изнуренное лицо Се Цинъяня, его бескровные губы и хрупкое тело, утопающее в тяжелом мехе. За полмесяца, что они не виделись, этот больной красавец словно еще сильнее иссох от дворцового одиночества и невидимого давления, став похожим на изящную, но готовую рассыпаться в прах фарфоровую статуэтку.

— Похоже, — наконец произнес Сяо Чэ. Голос его был низким и ровным, без тени эмоций, но в нем чувствовалось тяжелое напряжение, предвещающее бурю. Каждое слово отдавалось в сердцах всех присутствующих, — слуги дворца Чжумин не слишком стараются. Господин Се выглядит еще хуже, чем в день прибытия.

Он медленно подошел ближе. Его черные сапоги на толстой подошве глухо и ритмично

стучали по отполированному золотому кирпичу, словно наступая на натянутые нервы Се Цинъяня. Каждый шаг приносил удушающее ощущение давления.

Се Цинъянь опустил веки, длинные густые ресницы отбросили две тени на бледные щеки, скрывая взгляд, способный пронзить самую душу. Следуя дворцовому этикету, которому его в спешке обучила няня, он сложил руки и приготовился опуститься на колени. Но прежде чем он успел согнуть ноги, чья-то рука с узловатыми пальцами, покрытыми мозолями от меча и холодная от зимнего воздуха, крепко сжала его запястье.

Се Цинъянь (Шэнь Янь) понимал, что этот неконтролируемый страх перед императором — лишь реакция тела прежнего владельца. Будь на его месте он сам, он бы не стал церемониться с этими глупостями и давно бы сбежал через стену!

Се Цинъянь пришел в себя и увидел, что тот все еще держит его за руку.

Хватка была пугающе сильной, словно ледяной обруч, готовый раздробить хрупкие кости запястья.

От резкой боли Се Цинъянь глухо застонал и был вынужден поднять голову, внезапно столкнувшись с глазами Сяо Чэ, в которых бушевал настоящий шторм.

В глубине этих темных омутов что-то твердое треснуло, обнажая невероятный восторг и почти маниакальное, лихорадочное желание убедиться в чем-то. Император, казалось, на мгновение перестал дышать.

— Этот шрам... — большой палец Сяо Чэ с обжигающей теплотой настойчиво тер старый, бледный, полумесячный шрам на внутренней стороне правого запястья Се Цинъяня. Голос императора едва заметно дрожал, словно эта отметина в одночасье оживила глубоко запрятанные мрачные воспоминания. — За Холодным дворцом, под той кривой старой сливой... это ведь ты был, да? Тот, кто подал мне горячую лепешку и перевязал обмороженные руки? Се Цинъянь?

Его взгляд был таким горячим, что, казалось, мог прожечь человека насквозь, в нем сквозило ожидание и вопрос, преодолевший долгие годы.

Холодный дворец? Старая слива? В голове у Се Цинъяня была пустота, словно его окутали густым туманом.

В воспоминаниях прежнего владельца были лишь роскошь аристократической жизни, пиры, стихи, вино, весенние прогулки среди цветов и осенняя охота. Откуда там взяться ледяным стенам, сливовому дереву или воспоминаниям об одиноком ребенке?

Он инстинктивно покачал головой, пытаясь выразить отрицание, но из горла вырвался лишь

невнятный хрип. В его глазах читалось искреннее недоумение и выступили слезы от нестерпимой боли в запястье.

Восторг в глазах Сяо Чэ, вспыхнувший подобно лесному пожару, вмиг угас, словно на него вылили ушат ледяной воды. Он погрузился в глубокую, пугающую холодную бездну.

Аура императора, на миг смягчившаяся от волнения, снова заледенела, став даже холоднее и мрачнее, чем прежде, — в ней теперь сквозила ярость обманутого. Пальцы, сжимавшие запястье, медленно разжались, оставив на коже яркий фиолетовый след.

— Ха... — он дернул уголком губ, изобразив лишенную тепла, пробирающую до костей улыбку. Взгляд его, острый, как отравленный клинок, полоснул по лицу Се Цинъяня, полному невинности и боли. — Хорошо, очень хорошо. Похоже, это я... ошибся человеком.

Каждое слово, словно ледяная крошка, выдавленная сквозь зубы, несло с собой могильный холод.

Он отступил на шаг, мгновенно вернув себе ледяную отстраненность императора, и та минутная слабость показалась лишь абсурдным наваждением.

— Раз господин Се нездоров, стоит получше заботиться о себе, — сказал он ровным, лишенным эмоций тоном. — Если чего-то не хватает, прикажи принести. Я не хочу, чтобы ты... тихо скончался от болезни здесь, во дворце Чжумин.

В последней фразе прозвучала жестокая, холодная насмешка, словно змеиный язык, коснувшийся кожи.

Он больше не взглянул на Се Цинъяня, словно даже один лишний взгляд был для него осквернением.

Сяо Чэ резко развернулся. Его черные одежды взметнулись в воздухе, подняв вихрь ледяного ветра, и он решительным, широким шагом вышел прочь. Его силуэт казался одиноким и неприступным.

Тяжелые двери вновь закрылись с глухим звуком, окончательно отрезав его от суровости и холода внешнего мира. Се Цинъянь, лишившись всех сил, бессильно осел на холодный золотой кирпич. Боль в запястье и в сердце слились воедино.

Служанка А Ин с испуганным криком бросилась к нему на помощь.

Синяк на запястье выглядел пугающе, но в сердце словно зияла огромная дыра, сквозь которую задувал ледяной сквозняк.

Вспышка отчаяния и последующий за ней ледяной мрак в глазах Сяо Чэ, словно раскаленное клеймо, врезались в самую глубину его сознания, оставив неизгладимый след.

Холодный дворец... тот маленький монстр...

Кого именно он принял за другого? Какую невидимую, полную унижений и тьмы историю из прошлого этого железного императора затронул этот пустяковый старый шрам на его запястье? И в какой водоворот времени, одержимости и чудовищных ошибок окажется втянут он сам — немой двойник, занявший чужое место, — и в какую бездну его это приведет?

<http://bllate.org/book/20749/2080016>